

Василий Васильевич Киляков родился в 1960 году в Кирове. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Юность», «Октябрь», «Литературная учеба», «Подъём», в газете «Литературная Россия». Член Союза писателей России. Живет в городе Электросталь Московской области.

Василий Киляков

ЗАСНЕЖЕННЫЙ САД

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Растаял снег, в лесу просторно.
Высокая сосна глядит во все концы.
В живой тени, раскинутой узорно,
звонят пичуги, словно бубенцы.

Там — расцвели в лещине верболозы,
здесь — лось ходил, оставил шерсти клок...
И ослепительно — под солнцем — из березы
стекает сок в пробитый котелок.

* * *

Кричит испуганная птица.
Ночь распахнулась, как крыло,
и на уснувшее село
холодный лунный свет ложится.

Я, очарованный луной,
смотрю на дальнее светило.
И вдруг очнулся: что за сила!
И что за бездна надо мной!

А там, в мирах иных полей,
так мрачно облака теснятся,
что хочется к земле прижаться,
как в детстве — к матери своей.

НОЧНОЕ

Река дышала, словно вечность.
Звенели жабы до утра,
ругая жизни быстротечность
и пламя моего костра.

Река плескала и дремала,
и девки пели на току...

Семья лосей переплывала
в восходе плоскую Оку.

Лось плыл и шевелил ноздрями,
хрипел, костра глотая дым,
и даже звезды егерями
застыли, улыбаясь им.

Потом на берег первозданный
все выбрались —
и затрубил
сохатый дико и гортанно
в избытке грозных, дерзких сил.

...Рога, мухортые колени,
В ночи копыт тяжелый стук...
Восторг, и радость, и волнение,
И — страх за эту красоту!

ПАМЯТНЫЙ ПОКОС

Извечной грусти полон зов кукушки,
и шапки пламени, и писк ольхи в костре,
и кислый квас из оловянной кружки,
и дальний окрик дружных косарей...

Как в этой зорьке ветрено и зябко!
Все больше дел, все меньше — сил и слов.
И долгий-долгий взгляд кухарки с тряпкой,
и сладкий пар вскипающих котлов...
Совхозные за речкою покосы
и жеребенка с маткой росный бег...

Кухарка — девочка.
Мы счастливы и босы.
И долог день,
как век.

* * *

Подгорели листья кленов,
и подсохла грязь тропинок.
Вьются в роцах отдаленных
нити светлых паутинок.

Ближе оклик журавлиный,
даль яснее, эхо глуше.
И заря костром калины
сентябрю рубаху сушит...

* * *

Вот октября последний теплый взгляд,
осенних яблок спелый аромат,
их тяжкий стук в укроп, в сырую землю...
Всему я рад, все чувственно приемлю:
осенние и светлые пруды,
и липовых аллей сквозное солнце,
и лодку с ржавым черпаком на донце,
и дальний свет предутренней звезды...

Пройду один, опять по грудь в тумане, —
и с тихой радостью вдруг сердцем оживу:
нет, некуда спешить — и никуда не тянет.
Бортом хлебает лодка на плаву...
А завтра — глядь! — уже случайный снег —
безмолвно, медленно, волшебю, как награда...

Я на пороге — зрелый человек —
вдруг сам замру, жалея целину
осыпанного снегом сада.

* * *

Все как всегда:
тяжелая вода
по лужам стынет.
Свалялась-сгнила лебеда —
и хмель на тыне.
И по садам печаль, печаль
неслышно хороводит,
и широко открыта даль...

А жизнь проходит.

* * *

Я бы век промолчал здесь,
в березовой роце заречья:
словно вновь я вернулся на землю,
как будто бы жил уже здесь...
Все по-новому ясно,
и понятнее — все человечье,
и теплее молитва,
и святая — любовь, а не месть.

Песню льет жаворонок,
и пробуют голос кукушки...
Сколько здесь я дышу?
Полчаса? Или час?

Или день? Или век?

И берез золотые, с поклоном, верхушки
протянулись к небесной,
бездонной для всех синеве.

Как случилось,
что жизнь прокатилась бесследно, не пыльно?..
Слишком рано — так рано в туманы окуталась даль!

Не вернусь я сюда,
я уйду по дороге неторной, ковыльной —
в Небеса,
где смиренность, любовь
и печаль.

СПАСЕНЬЕ В МИРУ

...Сверкала мысль — как солнце по ножу,
а где-то под столом пищали мыши...
Жена ему сказала: «Ухожу!» —
а он творил и даже не услышал.
Друзья забыли, умерли враги...
Чернильница сочилась черным соком,
и бился ветер крыльями пурги
в косые стекла перемерзших окон.
Он пишет, кашляет в глухую полутьму,
на пальцы леденеющие дышит...
Теперь хоть смерть сама стучись к нему —
он не откроет ей: он не услышит.

ЛУННЫМ ВЕЧЕРОМ

Это голуби, голуби, голуби —
масть лихая с медью пера...
Из окна, как над сколотой прорубью,
я склонился в ущелье двора.
Словно сам с голубиной стаей
синим снегом любуюсь окрест,
и на крыльях размашистых тает
лунно-хрупкая льдинка с небес.

В каждом взмахе хочу я постигнуть
этой жизни высокую суть.
Край родимый, прости, прости мне
ветром скрученный мгlistый мой путь.

Снова ввысь мне взлетать — и падать,
чтобы вновь над землею взмыть.
Без земного пернатого рая
Рая Божьего нам не открыть...

Рвется сердце птенцом из потая,
в клетку ребер с размаху бьет —
Что ты, глупое?
Сизая стая

миновала окошко мое.
Просто голуби пролетели —
и ушли в синеву окна.
И заносят перья метели
их мгновенные письма...

ПОСТ

Каким напором, силою какой
бежит в деревьях смелый сок древесный
дубовых крепких жил!
Я над рекой...
Иду — вбирая взглядом мир окрестный.

Во мне — весь мир! Струится светлый пар...
Я — то огонь, то — свежий ветер по краю...
И каждой искрой я зову пожар,
и каждым зернышком грущу по урожаю.

Целительною Верою томим
и обновлен, проснусь я всем и всюду...
Вот-вот душа очнется с верой в чудо,
и кажется: воскресну молодым!

* * *

Пахнет ягодой желтый дрок,
ветерка по травам судорога,
обступили грибы дубок,
как учителя мудрого...

Край речонки морщинит слегка,
носит ветер перо и солому...
Я на веслах плыву в облака,
словно к Отчему Дому.